

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР «XX ВЕК: СОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ»**

**БРИТАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
в XX веке**

Москва-2010

УДК 94 (110)
ББК 63.3 (4 Вел)
Б 87

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.М. Пегушев, д.и.н. Е.Ю. Сергеев
к.и.н. Е.Ю. Полякова, д.и.н. И.В. Следзевский,
д.и.н. А.М. Хазанов,
И. С. Савина (ответственный секретарь)

Рецензенты:

д.и.н. В.И. Москаленко,
д.и.н. М.П. Айзенштат

Британская империя в XX веке / [ред. А.М. Пегушев, Е.Ю. Сергеев]; М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2010.-296 с.
ISBN 978-5-94067-299-9

Сборник статей составлен по материалам круглого стола, состоявшегося в Институте всеобщей истории РАН в январе 2003 г. Работа посвящена кульминационному периоду в истории британского колониализма - XX веку, который был временем последнего взлета Британской империи, ее распада и крушения. В XX в. Англия последовательно трансформировала Британскую империю в Британское содружество, Содружество наций и новое Содружество, сохранила тесные многоплановые отношения со своими бывшими владениями. В работе можно условно выделить две тематические группы статей. В первой рассматриваются особенности британской колониальной политики, предпосылки причины и этапы образования Британской империи. В статьях второй группы рассматриваются формы и методы колониального управления, расовые, национальные и культурные отношения в отдельных странах и регионах империи.

Книга рассчитана на профессиональных историков, преподавателей вузов, студентов гуманитарных факультетов, а также всех тех, кто интересуется историей колониализма.

ISBN ISBN 978-5-94067-299-9

О Институт всеобщей истории РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

**ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ
БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ**

Алаев Л.Б.
Колониализм как всемирно-историческое явление и как объект исследования 9

Следзевский И.В.
Цивилизационное основание и культурная логика трансформации британского мира в империю 24

Остапенко Г.С.
Особенности британского колониализма 46

Зимулина Л.А.
Эволюция национальной государственности Британских доминионов 72

Сергеев Е.Ю.
Особенности британской колониальной политики в Восточной Азии (1902 - 1939 гг.) 81

Хазанов А.М.
Британский и португальский колониализм
(опыт сравнительного анализа) 96

Глуценко Е.А.
Некоторые причины распада Британской империи 106

Широков Г.К.
Экономические предпосылки заката Британской империи 112

**ФОРМЫ И МЕТОДЫ БРИТАНСКОГО
КОЛОНИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Коленеко В.А.
Канадская конфедерация: межнациональный фактор 126

В.Я. Белокриницкий

Уход Англии из Индии и проблема образования двух доминионов

Актуальность теме придают несколько обстоятельств. Первое из них состоит в новом интересе к империям, в том числе Британской, и их роли в международно-политических процессах. Впрочем, «старые» империи, связанные с колониализмом классического типа, вызывают по большей части исторический интерес. Зато второй аспект темы, а именно способ ухода империи и замены ее на постимперский порядок, имеет аналогии с современностью. Третий момент заключается в последствиях, которые продолжает оказывать уход Англии в 1947 г. на современную международную обстановку через до сих пор не решенную проблему принадлежности бывшего княжества Джамму и Кашмир. Генезис более чем полувекowego конфликта по этому поводу между образовавшимися на месте Британской империи на юге Азии Индией и Пакистаном непосредственно связан с политикой колониальных властей на этапе подготовки и осуществления передачи власти. Четвертым фактором, придающим злободневность сюжету, служит феномен усилившегося в заключительный период господства англичан политического значения ислама, да и в целом религий и религиозных общностей как инструментов политической и национальной идентификации.

Четыре отмеченных обстоятельства во многом обуславливают современный интерес к проблематике завоевания Индией независимости и образования на первых порах двух доминионов, при этом второе и третье из них в наибольшей мере определяют поставленные автором задачи.

Две тенденции в политике предоставления Индии независимости

В колониальной политике Великобритании очень рано выявляются два подхода, которые можно охарактеризовать как консервативный и либеральный. При этом базовым и большую часть времени преобладающим был первый из них, что вполне объяснимо потребностями установления политического контроля над иным в культурном отношении населением и его закрепления путем опоры на господствующие в местном обществе силы. Вместе с

тем, и либеральная, умеренно преобразовательная тенденция довольно быстро дала о себе знать, так как завоеватели стремились извлечь не только политическую, но и коммерческую выгоду, обеспечив благоприятные для этого перемены в социальной жизни и экономике¹.

После широкого антианглийского восстания 1857-1859 гг. и перехода Индии под прямое управление британской короны власти проводили преимущественно осторожную, консервативную политику, не исключавшую, впрочем, осуществления отдельных реформ, в том числе в юридической и политической сферах.

Новая волна либерализма пришла на правление вице-короля лорда Рипона в первой половине 1880-х годов и вылилась в принятие закона о местном самоуправлении. Пришедшие на смену либералам консерваторы заморозили процесс реформ и допуска представителей местной элиты к государственным делам. Однако наиболее четко пути консерваторов и либералов разошлись в начале XX в. в связи с первым конституционным актом, известным как реформы Морли-Минто (по имени либерально настроенного госсекретаря по делам Индии в королевском правительстве Дж. Морли и вице-короля лорда Минто). Реформы явились попыткой сгладить впечатление от жесткого и энергичного правления консерватора лорда Керзона, который в 1905 г. пошел на непопулярную меру - раздел сохранявшей тогда столичное положение провинции Бенгалии на Западную Бенгалию, преимущественно индусскую, и Восточную, в основном мусульманскую².

Но как и в XIX в. либеральные подходы вскоре сменились консервативными, чтобы в очередной раз проявиться в годы Первой мировой войны. Англия тогда остро нуждалась в поддержке своих военных усилий со стороны крупнейшей колонии. Более 1 млн индийских солдат приняли участие в боях на европейском театре военных действий, причем потери индийцев превысили 100 тыс., из них 36 тыс. убитыми³. Значительных размеров достигали также материальные перечисления (дары) Индии своей метрополии и поставки военных грузов. Общественное мнение в Индии на протяжении войны в целом одобряло политику Лондона, рассчитывая взамен обрести атрибуты самоуправления. В августе 1917 г. в критический для судьбы Первой мировой войны момент госсекретарь по делам Индии либерал Э. Монтегю выступил в палате общин британского парламента с правительственным заявлением, в котором провозглашалась цель расширить участие индийцев в управлении с целью постепенно дать колонии «ответственное правительство»⁴. Хотя в заявлении не было и намека на независимость, именно оно, как считали уже современники, знаменовало начало

процесса ухода Англии⁵.

Но до его завершения было еще далеко. Либеральная и консервативная тенденции в первый послевоенный период сплелись в тугую узел. Госсекретарь Монтегю инициировал новую конституционную реформу, по которой существенно расширялась когорта избирателей по сравнению с уложением 1909 г. (Морли-Минто), хотя последняя по-прежнему определялась на основании имущественного и образовательного цензов. По закону, принятому в конце 1919 г. и известному под названием реформы Монтегю и вице-короля лорда Челмсфорда, центр тяжести самоуправления перемещался в провинции, где в 1920-1921 гг. прошли выборы в законодательные собрания. Расширению прав имущих и образованных индийцев предшествовала консервативная волна, связанная с принятием в начале 1919 г. актов судьи Роулетта, которые фактически продлевали действие репрессивных указов военного времени на период по окончании войны.

Кризис традиционного либерализма в Англии в 1920-х годах привел к замещению либералов в двухпартийной парламентской системе лейбористами. Радикализация либерального фланга по существу никак не сказалась на его позиции по вопросу об Индии. Лейбористы полагали, что сохранение английской власти над колонией отвечает интересам организованного рабочего движения Великобритании, хотя и не сомневались в необходимости внесения дальнейших модификаций в способ управления Индией.

На протяжении 1930-х годов в английской политике в Индии наблюдалось сочетание консервативных и реформаторских (предусматривающих, в частности, удовлетворение ряда требований индийских националистов) черт, отразившееся как в организации конференций «круглого стола» в Лондоне в 1930-1932 гг., так и в принятом в 1935 г. новом законе об управлении Индией. Это придавало британскому колониализму черты двойственности, амбивалентности, отличая его, с одной стороны, от более жестких действий по отношению к силам национального освобождения колониальных властей Франции в Индокитае и Нидерландов в Индонезии, а с другой - от проводившейся США на Филиппинах линии на реальную, хотя и поэтапную передачу власти в руки местной элиты.

Двойственность британской стратегии проявилась и в ключевом вопросе о сроках и форме предоставления Индии независимости. В октябре 1929 г. «самый либеральный из консерваторов по индийскому вопросу»⁷ вице-король лорд Ирвин (впоследствии лорд Галифакс) с одобрения лейбористского правительства выступил с заявлением, в котором отмечалось, что «естественным следствием конституционного прогресса Индии ... является достиже-

ние ею статуса доминиона»⁸.

Необходимо отметить, что доминиальный статус имел длительную историю становления, начавшись с предоставления его Канаде в 1867 г. Ко времени заявления Ирвина статус получил официальную трактовку в докладе лорда Бальфура 1926 г. В соответствии с ней доминионы, также как и Великобритания, провозглашались «автономными единицами, равными по положению, ни в коей мере не подчиненными друг другу». Вместе с тем, они оставались связанными между собой верностью английской короне и входили в состав Британского содружества наций⁹. Такое определение доминиона было закреплено в 1931 г. Вестминстерским статутом (законодательным актом британского парламента) и послужило основанием для новой имперской системы (имперских торговых привилегий и т. п.).

Несмотря на существенное переосмысление статуса доминиона, который переставал означать сохранение какой-либо зависимости от Англии, подчиненность продолжала ассоциироваться с термином, тем более что она закреплялась символически через верховный авторитет английской короны. Поэтому не случайно Индийский национальный конгресс отверг предложение Ирвина и 31 декабря 1929 г. провозгласил в качестве цели предоставление Индии полной независимости (пурна сварадж).

Смешанный эффект от развернутых Конгрессом под руководством М.К. Ганди кампаний гражданского неповиновения в 1930-1931 и 1932-1934 гг. побудил конгрессиистских лидеров согласиться на участие своей организации в выборах весны 1937 г. в законодательные собрания провинций (проводились согласно конституции 1935 г.). Успех Конгресса на выборах и формирование им правительств в семи провинциях из 11 превращал его в парламентскую партию, хотя и особого типа - контроль за действиями министров-конгрессиистов сохранялся за центральными органами Конгресса и его лидерами, которые сами, за редким исключением, отказались принимать участие в органах законодательной и исполнительной власти.

Консервативная тенденция в британской политике усилилась с началом Второй мировой войны. Вице-король лорд Линлитгоу поспешил уже 3 сентября 1939 г. объявить о том, что Индия находится в состоянии войны с Германией. Авторитарный стиль, в котором был решен принципиальный с точки зрения представлений о независимости вопрос о вступлении в войну, вызвал возмущение и широкое недовольство в стране. Национальный конгресс принял решение в знак протеста прекратить сотрудничество с англо-индийскими властями и отказаться от участия в провинциальных

правительствах.

Англо-индийские власти после этого сделали ставку на сотрудничество с либеральными деятелями, не входившими в Конгресс (такими, как Т.Б. Сапру), региональными неконгрессистскими организациями (например, правящей в Пенджабе Юнионистской партией), а также Всеиндийской мусульманской лигой, которую к тому времени единолично возглавил и возродил как влиятельную силу М.А. Джинна. По его инициативе отказ Конгресса от участия в провинциальных правительствах отмечался мусульманами как акт «избавления» от власти индусов, а в марте 1940 г. на сессии Лиги в Лахоре была единодушно принята декларация, получившая название пакистанской. Она призывала к созданию «независимых государств» в северо-западных и восточных районах Индии с преимущественно мусульманским населением¹⁰.

Отличительной чертой сотрудничающих с властями индивидумов и групп был их высокий социальный статус. Опора на местную элиту как самый дешевый и эффективный способ управления весьма характерна для консервативной имперской политики Британии". Однако годы Второй мировой войны явились для нее тяжелым испытанием. Ограниченность экономических и людских ресурсов усугублялась их разбросанностью по всему восточному полушарию. Создание военного коалиционного кабинета во главе с У. Черчиллем в мае 1940 г. помогло мобилизовать силы для обороны британских островов, но не спасло от стремительной нарастающей экспансии Германии на Ближнем, а Японии - на Дальнем Востоке. Вступление в союзнические отношения с СССР после июня 1941 г. и приобретение нового могущественного союзника в лице США после декабря того же года заставили Лондон задуматься о корректировке своей политики в Индии. К тому же его подстегивала реальная военная угроза последней со стороны Японии, войска которой в декабре 1941 г. взяли морскую крепость Сингапур, а в марте 1942 г. заняли Рангун, столицу британской колонии Бирмы, которая вплоть до 1935 г. входила в состав Индии.

Впрочем, еще в августе 1940 г. вице-король Линлитгоу выступил с предложением о расширении за счет «ответственных» политических деятелей Индии своего исполнительного совета, повторив, как и в сентябре 1939 г., что после войны в стране начнется конституционный процесс и цель Англии состоит в предоставлении Индии статуса доминиона¹¹. Однако руководство Конгресса, как и Мусульманской лиги, отказалось от «августовского предложения», не веря обещаниям и требуя полноправного участия в управлении страной.

Под давлением американцев и в расчете на мировое общест-

венное мнение военный кабинет в марте 1942 г. направил в Индию одного из видных лейбористов Ст. Криппса, незадолго до этого занявшего в правительстве пост лорда-хранителя печати и лидера палаты общин. Миссия Криппса сводилась к тому, чтобы привлечь к сотрудничеству с властями ведущие политические силы Индии, прежде всего Национальный конгресс. При этом на период войны англичане не соглашались на создание национального индийского правительства, предлагая лишь расширить консультативную роль индийцев. Зато после войны Криппс предлагал статус доминиона для Индийского союза «с правом выхода, если он того пожелает, из Британского содружества наций». Имелась в виду, таким образом, полная независимость, хотя и предусматривалось, что между Индией и Великобританией должен быть заключен договор, регулирующий все вопросы, вытекающие из «перехода ответственности в индийские руки». Будучи официально сделанным от лица кабинета, возглавляемого Черчиллем, архиконсерватором в вопросах Индии, это предложение в дальнейшем серьезным образом сказало на процессе передачи власти, заставив и консерваторов смириться с потерей Индии¹³.

Предложения Криппса во многом предвосхитили будущий ход истории, указав конкретные сроки и окончательность расставания империи с Индией. Либеральные по своему существу предложения отличались, вместе с тем, значительной преемственностью по отношению к традиционной колониальной политике. Как и в предложении Линлитгоу, в плане Криппса подчеркивалось, что отдельные части страны имеют право воздержаться от вхождения в состав Индийского союза, и особо отмечались обязательства королевского правительства по «защите расовых и религиозных меньшинств»¹⁴. В позиции Криппса очевиден недвусмысленный реверанс в сторону Мусульманской лиги с ее требованием Пакистана, а также крупнейших князей (о полусамостоятельных индийских княжествах речь пойдет ниже). Однако не эти соображения заставили руководство Конгресса и в первую очередь Ганди отказаться от принятия предложений о сотрудничестве с англо-индийским правительством. Главным был отказ англичан от создания национального правительства уже в военное время. Заявляя о поддержке дела союзников в борьбе с фашизмом и войне с «державами оси», лидеры Конгресса полагали, что только «обретя собственный голос», Индия сможет успешно противостоять натиску японцев. Хотя Конгресс отверг с порога (уже в апреле) предложение участвовать в исполнительном совете при вице-короле, вопрос о его отношении к колониальной администрации оставался долгое время непроясненным. Лишь в августе Всеиндийский комитет Конгресса

принял резолюцию, санкционировавшую начало массовой борьбы «для защиты неоспоримых прав Индии на свободу и независимость»¹⁵. Незамедлительные действия властей по аресту руководителей Конгресса привели к переходу инициативы в проведении кампании ко второму эшелону лидеров и превращению ненасильственной по замыслу Ганди борьбы в серию актов террора и саботажа под лозунгом «вон из Индии» (Quit India)¹⁶.

Жесткие меры англо-индийской администрации во главе с Линлитгоу, а также расквартированной в Индии армии под командованием лорда Уэйвелла, ставшего в 1943 г. новым вице-королем, получили поддержку Черчилля и означали окончательный провал миссии Криппса, который той же осенью был выведен из состава кабинета. Меры по подавлению движения «вон из Индии» привели к аресту свыше 90 тыс. человек, полиция и армия убили почти 1000 и ранили более 1,5 тыс. человек¹⁷.

Наступившее политическое затишье в Индии и провал японской попытки весной 1944 г. вторгнуться в северо-восточную провинцию Ассам, позволили англичанам вновь вернуться к переговорам с деятелями Конгресса. В мае из тюрьмы был освобожден Ганди, а осенью после обмена письмами состоялась его переговоры с Джинной. По некоторым сведениям, Ганди в принципе согласился с возможностью выделения из состава независимой Индии районов с мусульманским большинством. В то же время Джинна твердо отверг такой вариант «изъеденного молью» Пакистана, настаивая на включении в его состав целиком Пенджаба и Бенгалии¹⁸.

Капитуляция Германии и прекращение военных действий в Европе заставили англичан позаботиться о выполнении обещаний. В июне 1945 г. они освободили из-под стражи ведущих деятелей Конгресса, и в конце того же месяца вице-король Уэйвелл собрал конференцию наиболее видных индийских политиков в Симле (летней своей резиденции). Обсуждалось предложение о реорганизации исполнительного совета при вице-короле в прообраз ответственного общенационального правительства, состоящего почти целиком из индийцев. По плану вице-короля, 40% индийских членов совета должны были представлять индусов, другие 40% - мусульман, а остальные 20 - прочие религиозные общины (сикхов, христиан и т.д.) Формула отражала весьма консервативные взгляды как Уэйвелла, так и кабинета в Лондоне, ибо на первый план выдвигался в чистом виде общинный принцип, или, в формулировке англичан, вопрос о меньшинствах. Конференция закончилась неудачей из-за возражений Джинны против того, чтобы мусульман в правительстве представлял кто-либо из «националистов» (т.е. членов Национального конгресса и Всеиндийской му-

сульманской национальной конференции).

Положение изменилось в июле того же года в результате победы на всеобщих выборах в Великобритании не консерваторов во главе с «победителем» Черчиллем, а лейбористов. Сформированное ими правительство К. Эттли одним из важнейших дел считало разрешение индийского вопроса, тем более что ожидавшееся длительное сопротивление Японии прекратилось уже в середине августа, а в начале сентября с принятием ее капитуляции завершилась Вторая мировая война.

Англо-индийское правительство стало действовать в соответствии с планом Криппса. Зимой 1945-1946 гг. состоялись выборы в центральную легислатуру и провинциальные законодательные собрания. Выборы продемонстрировали возросшую поляризацию сил вокруг Национального конгресса и Мусульманской лиги, и для англичан исключительно остро встал вопрос о том, кому и как передать власть, как отнестись к требованию о создании Пакистана и будущему Индии как единого государства.

Весной 1946 г. лейбористы направили в Индию представительную миссию кабинета в составе госсекретаря по делам Индии лорда Петик-Лоуренса, председателя торговой палаты (министра торговли) Ст. Криппса и первого лорда адмиралтейства (морского министра) А.В. Александера. Основной задачей миссии, где роль «мотора» играл Криппс, было нахождение формулы, которая позволила бы сохранить единство Индии и ее тесную связь с Англией. А главным результатом работы стало заявление миссии от 16 мая 1946 г., в котором излагался «план единство», предлагавший весьма сложную процедуру функционирования конституционной ассамблеи. Выбранные от провинций депутаты должны были сформировать три секции, которые представляли бы шесть географически срединных провинций группы А с индусским большинством, три северо-западные провинции группы В с мусульманским большинством и две восточные провинции группы С с мусульманским большинством¹⁹. Имелось в виду, что после созыва учредительного собрания депутаты от провинций могут принять решение в пользу отдельных конституций для групп провинций, а само конституционное устройство подлежит пересмотру через определенный промежуток времени.

Таким образом, либеральная тенденция состояла в попытке сохранения единства Индии с передачей главенствующих в ней функций Конгрессу как наиболее представительной политической организации, идейно к тому же наиболее близкой лейбористам, но проводилась она в жизнь непоследовательно, встречая сопротивление со стороны консервативно настроенных политиков как в

Лондоне, так и в Дели.

Заложенная в плане миссии кабинета нечеткость дала возможность руководству Конгресса и Лиги согласиться с ним в принципе. Но к моменту отъезда миссии в конце июля, позитивные договоренности были нарушены и Конгрессом, и Лигой, так что «призрак Пакистана» как угроза единству Индии, витавший перед взорами авторов плана, обрел вполне реальные очертания в виде провозглашенной Мусульманской лигой программы «прямых действий» в борьбе за Пакистан²⁰.

Начавшиеся с событий 16 августа в Калькутте межобщинные столкновения и кровавые погромы охватили несколько провинций. Не в силах справиться с возникшим положением (англо-индийский колониальный аппарат на глазах терял эффективность) и стремясь разделить ответственность, вице-король привел к присяге в начале сентября 1946 г. переходное индийское правительство во главе с премьер-министром Дж. Неру. Мусульманская лига на первых порах бойкотировала его работу, присоединившись лишь в конце октября из опасения потерять политический вес и упустить шанс реального участия в управлении.

Переход властных полномочий от англичан к индийцам с осени 1946 г. носил хоть и вынужденный, но психологически достаточно подготовленный характер. Лейбористы в большей мере, чем в основном консервативная парламентская оппозиция, отдавали себе отчет в неизбежности и необходимости ухода. Вместе с тем, они хотели «уйти, чтобы остаться», т.е. сохранить наиболее тесные связи с бывшей колонией. Вице-король Уэйвелл не вполне соответствовал этим задачам. Ему не хватало умения установить доверительные отношения с индийскими политиками, в первую очередь из лагеря конгрессистов. Последние не забыли, что в годы войны вице-король держал их в тюрьме, одновременно пользуясь советами Джинны и других своих противников. После войны Уэйвелл сделал несколько существенных шагов навстречу конгрессистам: поставил их во главе правительства и созвал в декабре 1946 г. учредительное собрание. Однако Мусульманская лига отказалась от участия в ее работе, и весь план миссии кабинета был по существу сорван. Не помогли найти выход из тупика и переговоры, которые провели в Лондоне со специально приглашенными туда в том же декабре Неру и Джинной высшие правительственные и политические круги Англии²¹.

После декабрьских переговоров в Лондоне вопрос о замене Уэйвелла был предreshен. Новым вице-королем правительство Эттли назначило родственника короля лорда Маунтбеттена, который в 1943-1946 гг. командовал силами союзников в Юго-

Восточной Азии. В заявлении правительства от 20 февраля 1947 г. наряду с информацией о смене вице-короля утверждалось, что Великобритания покинет Индию самое позднее в июле 1948 г.²²

Маунтбеттен оказался подлинной находкой для правительства лейбористов. Получив от него чрезвычайные полномочия, он постарался добиться выхода из конституционного тупика в кратчайшие сроки, за два, максимум шесть месяцев. Убедившись в невозможности сохранить единство Индии из-за позиции Мусульманской лиги, он сначала поддержал программу предоставить провинциям и отдельным их частям (субпровинциям, гомогенным в религиозном отношении), а также полунезависимым индийским княжествам право самоопределения для объединения в группы (характерное неофициальное ее название - «Балканы»), но, встретившись с резким несогласием Конгресса, предложил раздел Индии на два доминиона²³. Идея раздела с самого начала витала в воздухе, но страшила своими последствиями, ее пытались обойти, найти замену, но безуспешно. Страхи между тем в значительной мере оправдались, ибо раздел привел к трагическим последствиям для миллионов людей.

Большое значение для Маунтбеттена имела проблема удержания Индии в составе Британского содружества. Дело в том, что в январе 1947 г. учредительное собрание, опираясь на решения Мировой ассамблеи (осень 1946 г.) сессии Национального конгресса, провозгласила в качестве цели превращение Индии в независимую суверенную республику. Хотя это решение не имело практического значения, оно заставило английские власти всерьез обеспокоиться проблемами глобально-политического и военно-стратегического характера. Среди консервативно настроенных кругов начались разговоры о значении Индии для всей системы британских военно-морских коммуникаций и опасностях, связанных с возможным приходом в регион России²⁴. Как морской офицер, предполагавший продолжить карьеру, Маунтбеттен хорошо понимал значение вопроса и старался добиться от лидеров будущей Индии согласия на получение независимости в статусе доминиона.

Оказывая давление на премьер-министра Неру и других руководителей Конгресса, англичане использовали то обстоятельство, что Джинна неизменно подчеркивал свое желание видеть Пакистан в составе Британского содружества наций. Все эти обстоятельства на фоне непреклонной позиции Джинны и растущего напряжения в связи с нерешенностью вопроса о власти привели к тому, что лидеры Конгресса (Неру, В. Патель и др., и даже, хотя и с большими оговорками, Ганди) согласились на расчленение Индии на два независимых доминиона. Джинна отстаивал до послед-

него идею «большого Пакистана» (в границах групп провинций В и С по плану миссии кабинета), но в конце концов согласился на усеченный вариант, предполагавший раздел провинций Пенджаб на северо-западе и Бенгалии на востоке.

План раздела был обнародован 3 июня 1947 г. после согласования основных его позиций в Лондоне и получения предварительного согласия со стороны лидеров Конгресса (немусульманского большинства), Лиги (мусульман) и сикхской общины. Последняя в наибольшей мере теряла от плана из-за раздела Пенджаба, но слабость политического руководства не позволила сикхам противопоставить что-либо губительной для многих из них логике развития событий.

Планом 3 июня предусматривалось также проведение референдума в Северо-Западной пограничной провинции, где, несмотря на абсолютное большинство мусульман-пуштунов, преобладающие позиции в законодательном собрании имела организация Конгресса во главе с А. Гаффар Ханом, а также в мусульманском по преимуществу округе Силхет восточной провинции Ассам.

Согласие двух основных партий позволило Маунтбеттену существенно приблизить сроки предоставления независимости. На весь подготовительный период отводилось всего два с половиной месяца. Передача власти назначалась на 15 августа. При этом Маунтбеттен ожидал, что он останется генерал-губернатором обоих доминионов до июня 1948 г. Конгресс согласился на такой вариант, тогда как Джинна после некоторой паузы ответил отказом. В начале июля он заявил, что намерен сам стать первым генерал-губернатором Пакистана. Вместе с тем, он выразил полное доверие Маунтбеттену как генерал-губернатору Индии и согласился, чтобы тот на первых порах возглавил единый для двух доминионов совет обороны, предусматривающий сохранение объединенного командования²⁵.

Для раздела Пенджаба и Бенгалии была создана комиссия во главе с приехавшим из Англии для этой цели судьей С. Редклиффом. Его приговор был объявлен 17 августа уже после церемонии провозглашения независимости Пакистана (14 августа) и Индии (в полночь с 14 на 15 августа). К пакистанскому западному Пенджабу, по решению комиссии, отошли области и округа с преимущественно мусульманским населением (по переписи 1941 г.), а к восточному Пенджабу - с индусским и сикхским большинством. В отдельных случаях судье приходилось нарушать этот принцип и учитывать иные соображения. Таким же образом был произведен раздел Бенгалии, причем в состав восточной Бенгалии был включен ассамский округ Силхет.

В результате «двойного раздела» - Индии и двух ее провинций - получилось странное государственное формирование, состоявшее из двух частей (крыльев) - западного и восточного, отделенных друг от друга сплошным массивом индийской территории (кратчайшее расстояние по прямой между ними составило более 1,5 тыс. км). В западное крыло помимо Пенджаба вошли мусульманские провинции Синд и СЗПП (по результатам проведенного в конце июля референдума, который местная организация Конгресса призвала бойкотировать), а также не имеющая выборных органов провинция Белуджистан (волеизъявлением ее населения посчитали результаты голосования племенной джирги и членов муниципалитета ее главного города Кветты). Окончательная конфигурация двух доминионов складывалась на основании решений, принятых правителями индийских княжеств, на которые приходилось в общей сложности более двух пятых территории и почти четверть населения.

В заключение параграфа хотелось бы подчеркнуть, что либеральная тенденция в политике британских властей состояла в решительном отказе от затягивания процесса расставания с крупнейшей колонией и выбором в качестве главного партнера при передаче власти Индийского национального конгресса как организации наиболее массовой, популярной и демократичной. Таким путем английские лейбористы добились сохранения своего влияния в Индии и согласия на ее пребывание в качестве доминиона, а затем и республики в составе Содружества.

Англия и проблема единства Индии

Сделанный выше вывод в известной мере противоречит устоявшимся в нашей историографии представлениям о том, что английские колонизаторы действовали в Индии по принципу «разделяй и властвуй» и несут прямую ответственность за ее расчленение²⁶. Между тем, из него вовсе не следует, что англо-индийские власти не приложили руку к ослаблению движения за политическую независимость и не пытались усилить присущие ему противоречия. Особенно явно эти попытки проявлялись в периоды правления в Англии консервативной партии.

Поэтому и здесь можно говорить о двух тенденциях в колониальной политике, связанных с отношением к единству Индии, ее органичности и целостности, а также вытекающему отсюда вопросу о месте, которое она призвана занимать в геополитике юга Азии. Среди английских администраторов и аналитиков во второй половине XIX в. сложились, соответственно, две школы.

Господствующей была та, что исходила из имперской реально-

ста того времени и подчеркивала заслугу Англии в воссоздании исторического единства Индии. Одним из наиболее крупных политиков этого направления был лидер консервативной партии Б. Дизраэли, который, занимая пост премьер-министра в 1876 г., сумел, вопреки либералам, провести через парламент законопроект о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии. В канун 1877 г. его протее вице-король лорд Литтон организовал по этому поводу первый из дарбаров (приемов) для индийской знати²⁷.

С большим энтузиазмом относился к значению обширной Британской Индии лорд Керзон. Почти самовластно управляя колонией в 1899-1905 гг., он использовал ее центральное стратегическое положение для укрепления позиций Англии к западу - в Иране, на Аравийском полуострове и в Персидском заливе, и к востоку - в Тибете.

Вместе с тем, в рамках того же консервативного подхода обозначилась линия на отношение к Индии как к слабо связанному между собой конгломерату отдельных областей и княжеств, к многообразию без единства. Эта традиция связана, в частности, с именем одного из главных помощников Литтона Дж. Стречи²⁸.

Англичане с самого начала своего пребывания в Индии столкнулись также с разнообразием верований и обычаев - индусских, мусульманских, сикхских и т.п. Конфессиональные различия под воздействием колониальной политики и европейской культуры на протяжении XIX и в начале XX вв. становились более отчетливыми, имело место по существу возрождение индуизма как религиозной системы, формировались влиятельные школы в исламе, обновлялась религиозная практика сикхов.

Из всех местных религий наиболее знакомой для англичан был ислам. Он единственный к тому же имел значение не только для Индии, но и для многих других регионов Востока. Геополитическая роль ислама в новое время определялась наличием ведущего звена, Османской империи, воплощавшей и духовную (центр халифата, контроль над Меккой и Мединой) и материальную (военно-политическую) мощь религии. Хотя в XIX в. Османская империя переживала не лучшие времена, она оставалась одним из крупнейших державных образований, важным участником тогдашней мировой политики, привлекая к себе сочувственное внимание мусульман Индии (особенно суннитов). Британские власти в колонии не могли не учитывать эти настроения и старались достаточно внимательно относиться к особым интересам индийской мусульманской общины.

Последние определялись среди прочего тем обстоятельством,

что до установления господства заморской державы Индией управляли в основном мусульманские правители. В течение целого века, от битвы при Плесси в 1757 г., положившей начало британскому правлению, до 1858 г., высшая символическая власть формально принадлежала шахам из династии Великих Моголов, наследникам последней общеиндийской мусульманской империи. Массовое антианглийское восстание в конце 1850-х годов проходило под лозунгами ее восстановления, а активное участие в нем мусульманской элиты на время сделало ее в глазах англичан неблагонадежной. Связанное отчасти с этим, а отчасти с иными обстоятельствами оскудение и понижение в статусе высшего слоя мусульман вызвало обеспокоенность в рядах англо-индийской администрации, которая боялась новой вспышки недовольства и нарушения равновесия в распределении богатства и привилегий в сторону немусульман, представляющих основную массу населения.

Особое внимание к мусульманам, объяснявшееся соображениями как внутренней, так и внешней политики, обычно сочеталось с консервативно-романтическим по духу предпочтением нобилитета. Отражением этой политики был, в частности, теплый прием, оказанный вице-королем лордом Минто в 1906 г. делегации мусульман во главе с главой секты исмаилитов Ага Ханом III, просившей учреждения избирательной курии для мусульман на намечавшихся выборах в законодательные советы. В том же году эта небольшая группа образованной знати и богословов основала Всеиндийскую мусульманскую лигу, а ее прошение о выделении мусульман в отдельную группу избирателей было удовлетворено в конституционном акте 1909 г.⁹

В начавшем работу в 1912 г. центральном законодательном совете большинство мусульманских мест заняли представители Лиги, но ко времени Первой мировой войны в ее персональном составе произошли некоторые перемены, и на позицию лидера выдвинулся молодой преуспевающий юрист из Бомбея М.А. Джинна. Из всех крупных городов Индии в конце XIX - начале XX века Бомбей отличался наиболее быстрым ростом богатства и сплоченностью местной элиты, состоявшей в основном из парсов (зороастрийцев по вере, потомков выходцев из Персии), индусов и мусульман. Сложившиеся там предпосылки единого фронта верхних политически активных слоев способствовали заключению Конгрессом и Лигой соглашения о единстве действий при учете особых интересов религиозных меньшинств на выборах в провинциальные советы (пакт заключен в г. Лакнау в 1916 г.).

Временная религиозно-общинная гармония, усилившаяся в первые послевоенные годы совместным участием масс индусов и

мусульман в кампании ненасильственного сопротивления под руководством Ганди и движении в защиту османского халифата, которое возглавили богословы деобандийской школы братья Шаукат и Мухаммад Али, вероятно, в немалой степени напугала англичан и в какой-то мере объясняет перенос ими центра тяжести организованной политической борьбы на провинциальный уровень.

В соответствии с реформами Монтегю-Челмсфорда в крупнейших (тогда шести) провинциях, возглавляемых губернаторами, вводилась система усеченного самоуправления. В результате выборов там образовались законодательные собрания, которые контролировали деятельность правительств. Однако высшая исполнительная власть оставалась в руках губернатора, который назначал советников, ответственных за сборы земельного налога, функционирование судов и полиции, ирригацию и вопросы труда (система получила название диархии, двоевластия, исходившего из деления провинциальных государственных департаментов на отвечающие за законность и порядок, с одной стороны, и «развитие нации» - с другой)³⁰.

По новому положению мусульмане сохраняли свою избирательную курию, более того, принцип общинного представительства был закреплен и расширен - сикхи получили свою когорту избирателей в Пенджабе, христиане - в Мадрасе, англо-индийцы и европейцы в ряде других провинций, в частности, в Бенгалии. Число специальных курий, кстати, не ограничивалось религиозными, выделялось небольшое количество мест для университетов, крупных землевладельцев, промышленности и торговли.

Наибольшее значение и последствия имело однако введение религиозно-общинных курий, прежде всего мусульманской, ибо численность мусульман приближалась к четверти от всего населения Индии и мусульмане более или менее равномерно населяли различные регионы, хотя их было заметно меньше на дравидском юге и центральном Деканском плато.

Конституционные реформы англичан в 1920-1930-х годах способствовали усложнению системы управления колонией и вытекали из их представлений об Индии как о лоскутном одеяле. Помимо шести губернаторских провинций (с 1923 по 1935 г. таковой была также Бирма) существовали провинции, возглавляемые лейтенант-губернаторами и главными комиссарами, которые не имели законодательных собраний.

Существенно также, что Британская Индия юридически не включала в себя индийские княжества. Они находились в отношениях прямого подчинения короне, и вице-король выступал по отношению к ним как ее представитель, осуществляющий права сю-

зеренитета (*paramounts*). Княжества, число которых превышало 560, распались на три группы. Немногие наиболее крупные по территории и населению вместе с достаточно большими, известными своей историей и богатством образовывали группу из 108 княжеств, правители которых непосредственно входили в палату князей, созданную по закону 1919 г. Более мелкие 127 княжеств посылали в палату совместно 12 представителей. Оставшаяся часть «княжеств» представляла собой крайне небольшие и малонаселенные территории (имения), которые пользовались традиционным налоговым иммунитетом и свободой от внешнего надзора³¹.

Несмотря на выявившееся к 1920-м годам явное отставание княжеств по уровню экономического и культурного развития от большинства районов Британской Индии, колониальные власти по-прежнему отводили им большое место в создаваемой структуре управления «индийским континентом».

С 1924 г. в фазе спада ненасильственной борьбы пути партий и организаций, опирающихся на поддержку преимущественно индусской и мусульманской (а также сикхской) общин, начинают расходиться. Возобновляются эксцессы на религиозной почве (антииндусское восстание мусульман-мопла на Малабарском побережье провинции Бомбей, погромы в Северо-Западной пограничной провинции), усиливается деятельность религиозно-политических организаций индусов (Хинду махасабха) и сикхов (Акали дал), вновь расходятся позиции Конгресса и Лиги.

В 1930 г. на фоне вышеупомянутых английских обещаний статуса доминиона для Индии, требований полной независимости, выдвинутых Конгрессом, особой позиции Мусульманской лиги, добивавшейся гарантий соблюдения прав мусульманского меньшинства, английское правительство собирает выразителей индийского общественного мнения в Лондоне для проведения конференции круглого стола с целью выработки основ новой конституции. Работа конференции растянулась на три года. Большинство делегатов были выбраны вице-королем, но представляли различные политические группы и специальные, главным образом религиозно-общинные, интересы. Весьма значительным было представительство князей. Конгресс участвовал только в одной из сессий конференции в 1931 г., и единственным его представителем был Махатма Ганди, которому не удалось извлечь пользы из длительного в то время морского вояжа³¹.

Главными вопросами, обсуждавшимися на конференции, были принципы формирования единой индийской федерации с учетом интересов князей и различных групп. Идея федерации предполагала устранение вышеупомянутого дуализма, который исторически

сложился в ходе завоевания индийского континента англичанами, когда часть территории (около 60%) управлялась непосредственно британцами, а оставшаяся часть - подчиненными короне, но самостоятельными в плане внутреннего управления наследственными правителями. Князья первоначально позитивно отнеслись к плану объединения при условии сохранения за ними власти и привилегий. Однако затем в их рядах наметился раскол. Ни к чему не привело и обсуждение вопроса о гарантиях прав религиозных меньшинств. Дебаты начались с предложения отказаться от курий, а закончилось дело тем, что британское правительство еще до окончания конференции, в августе 1932 г., вынесло решение (Community Award) о закреплении ³²куриальной системы на выборах в провинциальные легислатуры.

Последствия неудавшейся конференции преодолевались достаточно долго, и лишь в 1935 г. британский парламент принял новый закон об управлении Индией. Разработанный консерваторами, находившимися тогда у власти, он, по словам современного английского историка Дж. Браун, был «нацелен на то, чтобы спасти и укрепить империю, а не ликвидировать ее» ³³. Создание федерации ставилось законом в зависимость от желания правителей княжеств присоединиться к ней (за это должно было высказаться не менее половины членов палаты князей). До появления такого стремления наследственных правителей законом утверждалось сохранение прежней системы автократического правления вице-короля и его исполнительного совета (правительства Индии). В качестве уступки индийскому общественному мнению устранялась диархия в провинциях, где все департаменты стали возглавляться министрами, ответственными перед законодательными собраниями. Избирательный корпус по закону 1935 г. возрастал примерно в шесть раз по сравнению с актом 1919 г. (с 5 до 30 млн человек) при сохранении пониженных цензов на имущество и образование и куриальной системы согласно решению 1932 г.

Закон, таким образом, не отменял перспективу единого государства, передавал значительные властные полномочия на места, в провинции, поощряя тем самым тенденции к региональной консолидации и обособлению. Сохранение ослабленного централизованного начала в руках англичан делало их как бы гарантами единства Индии, одновременно раздробляя и направляя на решение местных проблем энергию политической элиты. При всей изобретательности такой схемы (главным ее автором считается государственный секретарь С. Хор) ее отличает преемственность по отношению к предшествующему конституционному акту и совпадение с принципами косвенного правления (через систему агентов

и доверенных лиц), характерную, как выше отмечалось, для всей британской системы колониального устройства.

На этом фоне становятся понятными сложности, которые испытывали впоследствии сами англичане при стремлении «освободиться от империи». И в предложении Линлитгоу 1940 г. и в плане Криппса 1942 г., и в плане миссии кабинета 1946 г. содержались положения, вытекающие из традиционных для английской политики в Индии забот о правах отдельных провинций, учете интересов меньшинств, не только мусульман, но их в особенности, и привилегиях князей. Концепция раздробленности Индии по региональному, конфессиональному и административно-политическому основанию определяла объем обязательств, взятых на себя консервативно настроенными колонизаторами.

Не возвращаясь еще раз к затронутым выше перипетиям выхода из этого тупика, остановлюсь лишь на проблеме подключения к общей схеме формирования двух доминионов индийских княжеств.

Надо отметить, что поглощенные проблемой Пакистана и позицией Мусульманской лиги английское правительство и лидеры Конгресса долгое время не придавали большого значения вопросу о княжествах. С одной стороны, это объясняется уверенностью в том, что после получения независимости наследственным правителям не останется ничего другого, как искать способ существования (*modus vivendi*) с новой властью и исходить при этом из своих более слабых позиций. С другой, причина состояла в том, что большинство князей достаточно рано осознали бесперспективность поисков какого-либо иного пути, кроме как сотрудничества с силами общеиндийского национализма (т.е. с Конгрессом), и, пытаясь не испортить отношения с ним, заявляли о готовности присоединиться к новой системе власти при сохранении за ними основных привилегий и прерогатив.

В то же время Национальный конгресс с 1938-1939 гг. предусмотрительно обратил внимание на массовую борьбу, развернувшуюся в ряде княжеств под антифеодальными лозунгами, и возглавил наиболее влиятельную политическую организацию - Всеиндийскую конференцию народов княжеств. Выступая на ее сессии в конце 1945 г., Неру дал довольно точное представление о будущей политике правительства Конгресса по отношению к князьям - назначение им пенсий, оставление ряда привилегий при лишении прав самостоятельной внутренней юрисдикции, вовлечение, особенно на первых порах, в дела управления ³⁴.

Большинство правителей вынужденно согласилось с такими перспективами, а часть была настроена патриотично и лояльно по отношению к Конгрессу. Князья в целом благоприятно отнеслись к

плану миссии кабинета, по которому им отводилась четверть мест в общеиндийском учредительном собрании и предоставлялась возможность влиять на окончательное государственное устройство в переходный период, оставляя за ними право выбора и торга. Однако воспользовавшись бойкотом учредительного собрания со стороны Мусульманской лиги и сикхов палата князей в декабре 1946 г. объявила об отказе участвовать в нем. Лишь позднее князья частично присоединились к его работе, что свидетельствовало о колебаниях и расколе в их рядах³.

Последнему во многом способствовала активность ряда высших чиновников колониальной администрации, прежде всего политического советника вице-короля в его качестве представителя короны, т.е. ответственного за отношения с княжествами, К. Корфильда. Известный своими консервативными взглядами, он поддерживал стремление отдельных наиболее крупных и самостоятельных правителей добиться фактической независимости. Узнав в декабре 1946 г. о наличии у вице-короля Уэйзелла плана поэтапной эвакуации английской армии из Индии с передачей полномочий местным правительствам (так называемый штн распада, не принятый Лондоном и ускоривший замену вице-короля), Корфильд стал предпринимать меры к тому, чтобы дать возможность отдельным князьям «встать на собственные ноги»³⁶. Эта его деятельность продолжалась и после назначения Маунтбеттена в период, когда тот еще не принял решения о разделе и даже предлагал Лондону одобрить «план Балканы». Нужно отметить, что и в «команде» нового вице-короля, часть которой он унаследовал от старого, а часть привез с собой из Лондона, было немало сторонников балканизации Индии путем предоставления некоторым княжествам, прежде всего Хайдарабаду, а также Бхопалу и Траванкуру, полунезависимого статуса, который позволил бы им со временем обрести права доминионов.

Однако большинство членов команды Маунтбеттена, как и он сам, и правительство в Лондоне четко определились в вопросе о судьбе княжеств после того, как Неру от лица Конгресса принял план раздела. Однако англичане при этом оказались заложниками прежней политики поощрения особого статуса княжеств и своих обещаний князьям не передавать против их воли права сюзеренитета государствам-наследникам Британской Индии³.

Двойственность подхода к судьбе княжеств, как и к вопросу о балканизации Индии, вполне вписывается в дихотомию консервативной и либеральной политики. Правительство Эттли серьезно опасалось обструкции в парламенте со стороны консерваторов, очевидно полагая, что такой вопрос, как предоставление Индии

независимости, требует общенационального консенсуса. Скорее всего по этой причине в законе о независимости Индии, одобренном всем британским парламентом 18 июля 1947 г., о княжествах упоминается в специальном подразделе, где их судьба подчеркнута выносятся за скобки и утверждается, что сюзеренитет короны над ними прекращается и им возвращаются все права, которыми они обладали до вступления в договорные отношения с ней³⁸.

Понимать это как предоставление княжествам независимости нельзя, т.к. Англия соглашалась признать «независимыми доминионами» только Индию и Пакистан. О создании каких-либо других доминионов речи не было.

Некоторые правители попытались однако «не заметить» это обстоятельство и заявили о своем желании обрести самостоятельность. Это заставило Маунтбеттена, уже как будущего генерал-губернатора нового доминиона, вплотную заняться проблемой княжеств, сетуя на неожиданно для него возникшие осложнения³⁹. Выступая 24 июня в палате князей, он ссылаясь на ее решение поддержать в 1946 г. план миссии кабинета как свидетельство выработанного тогда согласия войти в федерацию и призывал правителей сделать выбор в пользу Индии или Пакистана в зависимости от географического положения и с учетом интересов своих подданных⁴⁰.

К середине августа, т.е. к моменту провозглашения независимости, проблема была в целом решена. Абсолютное большинство князей определилось с выбором в пользу того или иного доминиона. Правители Траванкура и Бхопала отказались ввиду бесперспективности от претензий на самостоятельный статус. В числе спорных остались только три вопроса. Во-первых, низам Хайдарабада настаивал на статусе доминиона. Во-вторых, мусульманский правитель небольшого княжества Джунагадх на полуострове Катхиявар в западной Индии заявил о желании присоединиться к Пакистану, несмотря на то, что 80% его подданных составляли индусы, а с Пакистаном его связывал только морской путь. В-третьих, индусский правитель северного, преимущественно мусульманского княжества Джамму и Кашмир колебался в надежде добиться особого статуса. К середине августа он заключил договор о временном статус-кво с Пакистаном и вел переговоры о том же с Индией⁴¹.

Из трех спорных проблем с присоединением княжеств история в наследство оставила только одну - кашмирскую, но и ее оказалось достаточно, чтобы этот вопрос не потерял значение для современности. Спор вокруг судьбы Джамму и Кашмира не решен до сих пор, территория бывшего княжества остается временно разделенной, трижды или даже четырежды (с учетом конфликта 1999 г.) на ней происходили бои между силами Индии и Пакистана.

Существование проблемы отравляет атмосферу в регионе и остается в центре мировой политики.

Что касается вины англичан за создание кашмирской проблемы, то ее степень может быть оценена по-разному. Представляется, что Маунтбеттен в качестве последнего вице-короля Британской Индии и первого генерал-губернатора индийского доминиона старался способствовать присоединению Кашмира к Индии. В этом убеждает и близость его взглядов на будущее субконтинента к представлениям руководителей Конгресса, прежде всего Неру, и попытка воздействовать на позицию кашмирского махараджи, и вероятное влияние на определение линии раздела Пенджаба, которая дала Индии возможность иметь общую границу с княжеством⁴².

В то же время Маунтбеттен не мог отказаться от принципа демократического самоопределения, который правительство лейбористов считало очень важным при решении судьбы бывшей колонии. После плебисцитов о присоединении к Индии или Пакистану, проведенных в СЗПП и ассамском округе Силхет, было естественным настаивать на применении того же принципа в отношении спорных княжеств. Правительство Индии в феврале 1948 г. пошло на проведение такого плебисцита в княжестве Джугнагах, до того занятого индийскими войсками. Естественным в той обстановке представляется и решение Дели, которое принималось при участии английского генерал-губернатора, объявить о плебисците (как форме массового волеизъявления) в Джамму и Кашмире, после того как большая его часть оказалась в конце октября того же года под контролем индийских регулярных частей, а меньшая - под фактической юрисдикцией Пакистана.

Индийско-пакистанский конфликт, начавшийся тогда с вторжения пуштунских ополчений в центральную часть княжества, Кашмирскую долину, привел к сокращению переходного этапа, когда у двух вновь созданных государств имелись общий штаб обороны и единый главнокомандующий. Так как вместо предполагавшегося мирного развода произошла крупная ссора, единое командование прекратило существование уже в конце ноября 1947 г., а в самом конце года Индия обратилась с жалобой на Пакистан в Организацию объединенных наций, не видя в Британском содружестве международной организации, способной оказать посреднические услуги в разрешении возникшего у нее с другим доминионом спора.

Отношения между двумя доминионами, помимо Кашмира, осложнялись на первых порах и другие проблемы, связанные с разделом финансовых и материальных ресурсов, существованием миллионов беженцев и т.д. В обеих странах шел процесс администра-

тивно-политической консолидации и формирования укомплектованного национальными кадрами государственного аппарата. Оставшиеся после передачи власти на своих постах английские чиновники, в том числе высший военный и гражданский персонал, в течение полутора-двух лет в основном покинули Индию и Пакистан. Существенной вехой на этом пути стала замена Маунтбеттена на посту генерал-губернатора Индии в июне 1948 г. (к назначению еще в начале 1947 г. дате британского ухода) индийцем Ч. Раджагопалачари.

Заключение

Английское господство над Индией заняло столь продолжительный отрезок времени, начавшись с освоения портовых факторий еще в первые десятилетия XVII в., что накануне ухода Британской империи многие и среди англичан, и среди индийцев не верили в его реальность⁴³.

Между тем, занимая ключевое положение в системе британских заморских связей, Индия была первой из населенных по преимуществу представителями неевропейской (небелой) расы колонией, которая поднялась на борьбу за самоуправление и ответственное перед выбранными органами правительство.

Общественное мнение Англии по вопросу о политических перспективах Индии раскололось на два лагеря - консервативный и либеральный. Консерваторы (причем не только члены одноименной партии) исходили из того, что индийский политический класс недостаточно подготовлен, чтобы передавать ему управление страной, а сама Индия не представляет собой единого целого, ее отличают непримиримые противоречия между индусами и мусульманами, обособленность интересов других религиозных и расовых общин.

Другой лагерь состоял к 1930-1940-м годам главным образом из членов лейбористской партии и отличался либеральным подходом к проблеме индийской независимости. Последний заключался в осознании популярности и силы массовых индийских политических организаций, прежде всего Национального конгресса. Отправным моментом служило понятие единой Индии, созданной или воссозданной целенаправленными усилиями поколений по преимуществу благожелательно настроенных британских колонизаторов. По мнению лейбористов, после окончания Второй мировой войны для Англии пришло время освободиться от бремени имперских обязательств в отношении Индии. При этом надо было как можно лучше подготовить уход, сохранив тесные связи с силами, которые встанут у власти.

Консервативно-либеральное размежевание не было глубоким. Элементы тех и других представлений сочетались в политической линии, но на последнем этапе преобладал либеральный подход. Между тем, единства Индии сохранить не удалось. Коротко остановлюсь в заключение на двух факторах общего свойства, которые, по-видимому, помогают это объяснить.

Первый из них не имеет отношения к англичанам и их политике. Речь идет о реальной силе исламских и панисламских настроений среди значительного большинства населения британской колонии. В отличие от индуизма, территориально и расово замкнутой религии, ислам не имеет изнутри определяемых границ, он вненационален и экстерриториален. С конца XVIII в. в Индии (как и в Аравии) начался современный этап его традиционалистского возрождения (возвращения к истокам фундаментализма). В период между мировыми войнами, после краха Османского султаната и халифата индийский исламизм вылился в поиск не привязанной жестко к Ближнему Востоку идентичности. Вместе с тем, это совпало с оживлением панисламизма в арабском мире. Таким образом, на историческом этапе определения судьбы единой Индии исламизм и панисламизм оказались в фазе первичного подъема, что не могло не повысить шансы на создание первого в мире государства на мусульманской религиозно-общинной основе.

Второй фактор связан с британской геополитикой, видоизменением системы стратегических предпочтений. Хотя Дальний Восток и Юго-Восточная Азия оставались регионами, имеющими значение для интересов Англии, главное внимание после Второй мировой войны она обратила на Ближний Восток и Африку. Там располагались ее многочисленные колонии и подмандатные территории. Роль региона возросла также из-за наступления эры нефти, пришедшей на смену веку угля как главного топливно-энергетического ресурса. Все это, видимо, объясняет благосклонность, с которой англо-индийские власти и общественное мнение в метрополии отнеслись к идее раздела Индии и создания там отдельного государства с мусульманским большинством. Тем более, что с прецедентами и требованиями образования государств на религиозно-коммуналистских принципах Англия сталкивалась и в Ирландии, и в Палестине.

¹ Первые опыты либерализма относятся в основном к концу 1820-х - началу 1830-х годов, периоду генерал-губернаторства лорда Бентинка, и связаны с идеями и программой действий английских утилитаристов (А Смита, Дж. Бенгама, Дж. Милля и др.) см: *Stokes E.* The Peasant and the Raj Studies in agrarian history and peasant rebellion in colonial India. Catn-

bridge, 1978. Ch. 1. Преобразовательные цели нашли отражение в принятых британским парламентом в 1833 и 1853 гг. Хартиях, регулирующих управление Индии торговой Ост-Индской компанией, и хорошо известны, в частности, благодаря таким работам К. Маркса, как «Британское владычество в Индии», «Будущие результаты британского владычества в Индии» и др. см.: *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 9. М., 1957. С. 130-136; 224-230.

² *Brown J.M.* Modern India. The origins of an Asian democracy. Oxford, 1994. P. 133-135.

³ India, history of. The Postwar years // Encyclopedia Britannica. CD Rom Deluxe edition 2000.

⁴ *Smith V.* The Oxford History of India. New Delhi, 1988. P. 780-781; *Brown J. M.* Op. cit. P. 204.

⁵ *Moore R.J.* Escape from Empire. The Attlee Government and the Indian Problem. Oxford, 1983. P. 33-34.

⁶ *Low D.A.* Britain and Indian Nationalism. The imprint of ambiguity 1929—1942. Cambridge, 1997. P. 8-17, e. a.

⁷ *Moore R.J.* Op. cit. P. 22.

⁸ *Low D.A.* Op. cit. P. 45; *Brown J.M.* Op. cit. P. 270.

⁹ *Low D.A.* Op. cit. P. 22.

¹⁰ The Transfer of Power. Karachi, 1966. P. 19-20.

¹¹ *Low D.A.* Op. cit. P. 19-20.

¹² *Датт П.* Индия сегодня. М., 1949. С. 566-567; *Brown J.M.* Op. cit. P. 360.

¹³ *Датт П.* Указ. соч. С. 570.

¹⁴ Там же. С. 576.

¹⁵ *Brown J.M.* Op. cit. P. 320-325.

¹⁶ *Датт П.* Указ. соч. С. 589; *Brown J.M.* Op. cit. P. 323-324.

¹⁷ *Moore R.J.* Op. cit. P. 84-94.

¹⁸ Текст плана приводится в приложении к книге В.П. Менона (*Menon V.P.* The Transfer of Power in India. Bombay, 1957. Appendix IV. P. 470-476). Кстати, в известной работе А.М. Дьякова (Индия во время и после второй мировой войны. (1939-1949) М., 1952) группы В и С поменялись местами (С. 84, 86). Эта ошибка воспроизводилась впоследствии в ряде работ наших авторов.

¹⁹ Неотвратимость раздела и образования Пакистана в границах территорий с мусульманским большинством (согласно переписи 1941 г.) интуитивно понимали чиновники лондонской Индия офис еще в начале 1946 г. перед отъездом миссии кабинета в Индию. К этому событию они составили меморандум, где прямо утверждается, что несмотря на экономические, финансовые и военные потери и неудобства от раздела, он, скорее всего, состоится, и прилагали карты будущего Пакистана, границы которого совпадают с позднее проведенными. См: The Transfer of Power 1942-7. Ed. N. Mansergh et. al. L.: H. M. Sratorinary Office, 1976. P. 951-966.

²⁰ *Brown J.M.* Op. cit. P. 362; *Moore R.J.* Op. cit. P. 204-205.

²¹ Текст заявления см.: The Transfer of Power. P. 198-202.

²² *Menon V.P.* Op. cit. P. 365; *Moore R.J.* Op. cit. P. 245-248.

СПИСОК АВТОРОВ

- ²³ Ibid. P. 188, 193.
²⁴ Ibid. P. 316-317.
²⁵ В вышеупомянутой книге А.М. Дьякова (Индия во время и после второй мировой войны) неизменно употребляется термин «расчленение», и вина за это возлагается на английские власти. Такой же подход сохранялся и далее (см., например, *Антонов К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. М., 1979. С. 461, 472, 476, 478, 482).
²⁶ *Vence-Jones M.* The Viceroy's of India. L., 1982. P. 98.
²⁷ *Strachey J.* India L., 1888.
²⁸ *Smith V.* Op. cit. P. 806.
²⁹ Ibid. P. 787-788. В центре диархия отсутствовала, и имперский законодательный совет, выборы в который прошли в соответствии с новым конституционным актом в 1923 г., играл роль лишь совещательного органа. В то же время в исполнительном совете при вице-короле (аналог кабинета министров) квота индийцев увеличилась почти до половины.
³⁰ *Датт П.* Указ. соч. С. 451.
³¹ *Brown J.M.* Op. cit. P. 272-273.
³² Ibid. P. 289-290.
³³ Ibid. P. 283-284.
³⁴ *Датт П.* Указ. соч. С. 464-465; *Дьяков А.М.* Указ. соч. С. 161.
³⁵ *Дьяков А.М.* Указ. соч. С. 107; *Moore R.J.* Op. cit. P. 295-296.
³⁶ *Moore R.J.* Op. cit. P. 294.
³⁷ Ibid. P. 290-293.
³⁸ The Transfer of Power. P. 265, 268-269.
³⁹ *Moore R.J.* Op. cit. P. 290; *Hodson H. V.* The Great Divide. Britain, India and Pakistan. Karachi, 1985. P. 357-359.
⁴⁰ В частной инструкции премьер-министр писал Маунтбеттену: «Вы должны посодействовать тому, чтобы княжества вступили в переговоры с лидерами Британской Индии по поводу их отношений в будущем». Ibid. P. 358.
⁴¹ Ibid. P. 381, 385-386.
⁴² См.: *Lamb A.* The Birth of a Tragedy. Kasnmir 1947. Hertingfortbury, 1994.
⁴³ Любопытно, что передававший в 1943 г. эстафету правления Индией лорд Линлитгоу в беседе с новым вице-королем Уэйвеллом выразил мнение, что Англия останется в Индии еще по меньшей мере на 30 лет - *Waved A.* The Viceroy's Journal. L., 1973, P. 33.

Алаев Леонид Борисович - д.и.н., профессор, гл.н.с. Института востоковедения РАН (ИВ РАН).

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич - д.и.н., профессор, гл.н.с, зав. отделом Азии и Ближнего Востока ИВ РАН.

Бурьян Михаил Степанович - д.и.н., академик РАЕН, профессор Луганского государственного педагогического университета.

Глуценко Евгений Александрович - к.и.н., с.н.с. Института Африки РАН (ИА РАН).

Зимулина Лидия Алексеевна - д.и.н., профессор, зав. кафедрой новой и новейшей истории Владимирского государственного педагогического университета.

Катагощина Ирина Тимофеевна - к.и.н., с.н.с. ИА РАН.

Коленко Вадим Александрович - д.и.н., в.н.с. Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН).

Остапенко Галина Сергеевна - д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН.

Пегушев Андрей Михайлович - д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН.

Полякова Елена Юрьевна - к.и.н., с.н.с. ИВИ РАН.

Рытое Лев Николаевич - к.и.н., с.н.с, зав. отделом южноафриканских исследований ИА РАН.

Сергеев Евгений Юрьевич - д.и.н., профессор, зав. Центром «XX век: социально-политические и экономические проблемы» ИВИ РАН.

Следзевский Игорь Васильевич - д.и.н., зав. Центром цивилизационных и региональных исследований ИА РАН.

Тюрин Владимир Александрович - д.и.н., профессор, в.н.с. ИВ РАН, зав. отделом журнала «Восток».

Хазанов Анатолий Михайлович - д.и.н., профессор, академик РАЕН, зав. отделом общих проблем ИВ РАН.

Шаумян Татьяна Львовна - к.и.н., зав. сектором Индии ИВ РАН.

Широков Глери Кузьмич - д.и.н., гл.н.с. ИВ РАН.